

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ*

Вальтер Бартель

1. ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Решением Политбюро Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии «Об улучшении научно-исследовательской и преподавательской деятельности в области исторической науки в Германской Демократической Республике», принятым в июне 1955 г., историки были призваны «обратиться к разработке немецкой истории с момента освобождения Германии Советской Армией от гитлеровского фашизма»¹. Изложение этого новейшего периода истории Германии явилось бы, как сказано в решении, существенным вкладом историков в дело привлечения народных масс всей Германии на путь мира и демократического единства, укрепления сознания ответственности перед государством трудящихся ГДР, развития их готовности к защите революционных завоеваний.

Не впервые партия рабочего класса указывает прогрессивным историкам на основные вопросы исследования и преподавания истории. Следует напомнить, что президент республики Вильгельм Пик в отчетном докладе руководства СЕПГ III съезду партии (1950 г.) подверг серьезной критике деятельность тех ученых, которые недооценивали изучение революционного движения в Германии². В. Пик выразил пожелание, чтобы в исследовательской и преподавательской работе историки отвели должное место изложению революционных и освободительных традиций немецкого народа, практической деятельности и труда основоположников научного социализма Маркса и Энгельса, а также борьбы Бебеля, Либкнехта, Люксембург, Тельмана и многих других борцов за дело немецкого и международного рабочего класса.

На II конференции СЕПГ (1952 г.) заместитель премьер-министра Вальтер Ульбрихт обратил внимание историков на некоторые нерешенные проблемы. К ним он отнес исследование новейшей истории, ибо «из этого могут быть сделаны важные выводы для процесса исторического развития»³. Особенно необходимым В. Ульбрихт считал «научную разработку истории немецкого рабочего движения в период империализма»⁴. Он обосновал это тем, что исторические уроки борьбы рабочих до и во время первой мировой войны приобретают большое значение для современной борьбы трудящегося народа Западной Германии.

И, наконец, решение Секретариата Центрального Комитета СЕПГ, принятое в августе 1957 г., конкретизировало особые задачи ученых ГДР в области истории современности. В постановлении весьма настоятельно указывалось, что необходимо глубоко исследовать роль рабочего класса в революционных преобразованиях ГДР, сделать историю современности

* Статья В. Бартеля напечатана в журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (1958, Н. 4) со следующим примечанием: «Редакционная коллегия нашего журнала заявляет о своем полном согласии с мыслями, высказанными в данной статье».

¹ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, Н. 4, S. 517f.

² W. Pieck. Die gegenwärtige Lage und die Aufgaben der Partei. Berlin. 1950, S. 92.

³ «Protokoll der II. Parteikonferenz der SED». Berlin. 1952, S. 121.

⁴ Там же.

предметом исторического изучения и публикации. Эти важные указания партии рабочего класса — обратить особое внимание на исследование, преподавание и освещение недавнего исторического прошлого — основываются на великих традициях марксистской исторической науки.

Работы Маркса и Энгельса по вопросам истории представляли собой преимущественно научные статьи полемического характера и являлись образцом дискуссий по актуальным проблемам современности. «Манифест Коммунистической партии», возвестивший о рождении научного социализма, известный труд Маркса и Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», брошюры Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции» принадлежат к историческим работам основоположников научного социализма и являются классическими марксистскими историческими исследованиями. В них рассматриваются значительные исторические события того времени.

Многочисленные научные публикации Ленина до и в период первой мировой войны представляют собой образец научной основательности и актуальности. Его исследования о характере империалистической войны, взаимосвязи оппортунизма и империализма стали острым оружием в борьбе против империалистической войны и оказали неоценимую помощь в образовании последовательно марксистской рабочей партии в Германии. Труды классиков социализма по истории современных им событий, отличающиеся последовательностью и актуальностью своих принципиальных установок, показывают превосходство материалистического понимания истории, дающее нам возможность «с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий»⁵.

Выступления в печати Розы Люксембург и Карла Либкнехта, Клары Цеткин и Франца Меринга представляют собой за немногим исключением полемические исторические произведения, направленные против милитаризма и империализма. Во время первой мировой войны, являясь ведущей руководящей силой «Союза Спартак», эти деятели в своих работах ставили перед германским пролетариатом задачу свержения кайзеровского режима и установления германской социалистической республики. «Классовая борьба против войны» Карла Либкнехта, «Брошюра Юниуса» Розы Люксембург, исследования Франца Меринга и Клары Цеткин о русской революции считаются значительными историческими произведениями по истории современности. Эта традиция, предусматривающая разработку истории современности, была замечательно продолжена вождями германского рабочего движения — Эрнстом Тельманом, Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и другими. В этой связи следует упомянуть о значительном труде Вальтера Ульбрихта «К истории новейшего времени», впервые освещающем и всесторонне оценивающим послевоенное развитие Германии.

Эти примеры свидетельствуют о том, что классики марксистской исторической науки, как и их лучшие ученики и ученицы, отдавали и отдают все свои способности и обширные познания борьбе за непосредственные интересы международного рабочего класса. Поэтому с полным основанием можно сказать, что исследование и разработка вопросов современности всегда были составной частью марксистской исторической науки.

2. задачи научного исследования и преподавания истории современности

Если в настоящее время марксистская историческая наука рассматривает исследование, преподавание и обсуждение в печати современных проблем как одну из самых неотложных задач, то это является продолжением того, что делали лучшие историки-марксисты. Правда, необходи-

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 40.

мо констатировать принципиальное отличие проблематики современности в трактовке Маркса, Энгельса, Карла Либкнехта, Меринга, Цеткин, Люксембург и частично Ленина от нынешней проблематики истории современности.

Эти отличия не касаются принципиальных основ марксистской исторической науки, исторического материализма; они появились благодаря решительному повороту в истории человечества — победе русских рабочих и крестьян над царизмом, созданию Советского государства и, после второй мировой войны, — существованию ряда социалистических стран.

Классики марксистской исторической науки писали свои произведения для обоснования мировоззрения пролетариата и для опровержения содержания и методологии буржуазной историографии. Своими трудами они вложили в руки эксплуатируемых и угнетенных острое оружие для достижения победы в борьбе за социальную и национальную свободу. История показывает, что марксисты с честью выполнили эту задачу. Они смогли выполнить ее потому, что, опираясь на научный социализм, всегда ориентировались на пролетариат и отдавали свои силы организации революционной партии рабочего класса.

После всемирно-исторической победы рабочих России перед марксистской исторической наукой встала другая основная задача. Теперь возникла необходимость объяснить новые исторические закономерности общественного развития в период перехода от капитализма к социализму и в первую очередь исследовать и разработать вопрос о роли народных масс в построении социализма, а также в защите социалистического строя. В этом отношении решающее значение имеют принципиальные указания, содержащиеся в работах В. И. Ленина. Большую помощь нам оказывают также труды советских историков.

Известно, что понятие истории современности еще спорно. Сведение двух понятий, имеющих различное значение, — время, современность и история, прошлое — побудило некоторых ученых отклонить это понятие как ненаучное. Но оно все же укоренилось еще более ста лет тому назад. Поэтому, как нам кажется, правильное прежде всего заняться рассмотрением проблем истории современности, чем вести бесплодную дискуссию о том, что включает в себя это понятие.

История современности определяется некоторыми учеными как история нынешней эпохи или как история современников. Мы находим также и такие формулировки, как история недавнего прошлого, поскольку она непосредственно занимается историей живущих. Другие исследователи объявляют историю современности наукой, занимающейся, смотря по обстоятельствам, актуальным настоящим, в котором мы непосредственно живем и в создании которого принимаем участие. Последняя точка зрения явно слишком сужена и не содержит решающего критерия для размежевания истории современности от более ранних периодов.

Для истории Германии, а также для всеобщей истории разгром фашизма в результате второй мировой войны представляет собой завершение целой эпохи развития, положившей начало новой эре всемирной истории.

Победа социалистического Советского Союза над фашистской Германией дала возможность создать экономические и политические предпосылки для образования социалистического лагеря мира. Благодаря победе СССР на востоке Германии возник социалистический, антифашистский, демократический строй, на основе которого в 1949 г. была провозглашена Германская Демократическая Республика.

Поэтому понятие истории современности вполне оправданно применить к недавнему периоду нашей немецкой истории, начавшемуся с безоговорочной военной капитуляции в 1945 году. Но это отнюдь не означает резкого отмежевания от всех исторических проблем, стоявших в период

Веймарской республики и фашизма и непосредственно влияющих на современность. К таковым относятся: особенности германского империализма, специфика фашизма в Германии, роль юнкеров, отношения между германским монополистическим капиталом и тогдашними правительствами Германии и, наконец, не в последнюю очередь, своеобразии оппортунизма и ревизионизма в немецком рабочем движении. Если по отношению к тем или иным проблемам, возникшим до 1945 г., не может существовать механического разграничения, то в современном исследовании, преподавании и публикации основной упор должен быть сделан на тех вопросах, которые возникли после 1945 года.

Центральная задача в исследовании истории современности состоит в выяснении роли народных масс и партии рабочего класса, руководящей ими в борьбе за новый, социалистический общественный строй. Предметом науки истории современности является изучение созидательной истории силы рабочего класса, его грандиозных усилий, направленных против хаоса, оставленного в наследство нашему народу гитлеровским режимом. Речь идет об исследовании сложного процесса экономических изменений, осуществленных рабочими. В тесной связи с этим находится и другой вопрос — необходимо осветить и идеологический процесс, свершающийся в рабочем классе благодаря неустанному воздействию его партии.

Далее, предмет исследования и преподавания истории современности предполагает выяснение отношений рабочего класса к его естественному союзнику в деревне — сельскохозяйственным рабочим и трудящимся крестьянам; при этом рассмотрение демократических преобразований всех социальных условий в деревне представляет собой существенную часть научного исследования. Таким же образом исследуются и должны подвергаться исследованию совершенно новые взаимоотношения рабочего класса и интеллигенции, возникновение интеллигенции, происходящей из рабочего класса и трудящегося крестьянства, равно как и ее отношение к старой буржуазной интеллигенции.

Исходя из основного принципа, что при социалистическом общественном строе существует гегемония рабочего класса, история современности изучает становление Германской Демократической Республики с учетом всех противоречий, возникающих между приговоренным к гибели капиталистическим общественным строем и все более определяющим настоящее и завоевывающим будущее строем социалистическим.

К задачам истории настоящего времени относится, далее, анализ новых, социалистических условий жизни в ГДР, которые оказывают влияние на западногерманских трудящихся и обуславливают их борьбу за свое социальное и национальное существование.

Историческая наука в Германской Демократической Республике и специальная область истории современности, разумеется, не может и не должна довольствоваться только наблюдением за направлением развития Западной Германии. Она, если хочет отвечать своей национальной задаче, должна вести решительную борьбу против рокового процесса, ведущего к милитаризму, империалистической агрессии, к фашистскому варварству, что достаточно четко вырисовывается в настоящее время в Западной Германии.

В исследовании и преподавании истории современности необходимо обратить внимание на становление, жизнь и борьбу ГДР как первого государства рабочих и крестьян в Германии, и, исходя из общественного положения ГДР, вести борьбу против антисоциальной и антинациональной линии развития в Западной Германии; об этих вопросах наши ученые порой забывают. Все занимающиеся вопросами истории современности должны руководствоваться основным принципом: только полная ясность и правильное понимание исторических событий в ГДР даст воз-

возможность занять верную позицию в отношении возрождающегося германского империализма, его материальных форм и идеологии.

Осветить подлинные события, свершившиеся у нас за время с 1945 г., первые шаги человека-созидателя после безоговорочной военной капитуляции, показать неопенимую помощь советских оккупационных властей во всех ее проявлениях, раскрыть перед нашим народом «Превращение подданного в гражданина государства», как назвал проф. Руле свою достойную положительной оценки работу,—исключительно большое поле деятельности для истории современности, и это является самой почетной политической и научной, самой неотложной и ответственной задачей немецких историков.

При изучении истории современности часто возникает вопрос: требуется ли она принципиально иных условий, нежели исследование исторических проблем прошлого?

Другими словами: являются ли нынешние условия для исследования современной истории в корне иными, чем при изучении более ранних проблем, и можно ли поэтому в связи с иначе сложившейся ситуацией подвергать сомнению научность исторического исследования современности?

Какие источники и материалы находятся в о б щ е в распоряжении историков? Приведем важнейшие из них:

1. Неопубликованные и опубликованные архивные материалы, документы, протоколы, договоры и т. д.; 2. Мемуары, дневники; 3. Газеты и журналы; 4. Статьи, монографии.

Если будет задан вопрос, а может ли историческое исследование на современную тему опираться в принципе на те же источники и материалы, то на него, безусловно, нужно будет ответить утвердительно. Ученый, занимающийся историей современности, также имеет в своем распоряжении источники и документы, монографии, статьи, мемуары, газеты и журналы, причем документы и решения партии рабочего класса, в соответствии с ее ведущей ролью в строительстве социализма, в борьбе за мир и единство Германии, играют значение первостепенных источников.

Мне могут возразить, что объем архивных материалов по истории современности не соответствует другим, более ранним периодам. Но и это верно только относительно. Историки современности располагают большими архивными материалами, чем, например, ученые, занимающиеся исследованием зарождения германского государства. Правда, объем источников по истории современности еще не так велик, как у историков, работающих над историей германского капитализма в период его расцвета. Что касается газет и журналов, то история современности обладает таким количеством материала, который едва ли возможно охватить, в то время как мемуаров и дневников меньше, чем по другим периодам. Это лишь различная степень обеспечения источниками, но отнюдь не принципиальное различие.

В отличие от исследований более ранних периодов изучение истории современности может опираться на живые источники. История современности имеет счастливую возможность привлечь в качестве источников тех людей, которые в той или иной степени, в том или ином масштабе принимали непосредственное участие в событиях. Можно возразить, что такие материалы за последние столетия отражены в мемуарах и дневниках. Но подобное утверждение правильно лишь формально. Конечно, о более раннем времени, включая средневековье, сохранились материалы современников.

И все же имеется большое различие между тем, когда кто-либо записывает в дневник свои мысли непосредственно после событий или позднее описывает их в форме личных воспоминаний, и тем, когда он в качестве очевидца в беседе с людьми, бывшими, подобно ему, свидетелями со-

бытий, рассказывает о фактах, изображает свое участие и освещает всю противоречивость свершившегося.

К тому же, как правило, исследователь не может расспросить автора дневника или мемуаров о том, как он понимает тот или иной факт, каково его мнение по отношению к противоположному изложению этих вопросов в других опубликованных материалах. Историки, преследующие цель исследования истории современности, находятся в более выгодном положении; во многих случаях они могут сопоставить не только письменные и опубликованные данные, но имеют возможность расспросить и самого автора, что особенно важно, собрать участников событий и путем совместной беседы установить действительно решающие и определяющие моменты подлинных событий.

Историк современности прежде всего может установить контакт с очевидцами, игравшими центральную роль в общественном развитии: представителями самих народных масс — рабочими и крестьянами. В официальных документах прошлого о них упоминается лишь вскользь; всего этого исследователи других периодов лишены.

Далее, при исследовании истории современности могут быть использованы достижения техники: фильмы, фотографии, магнитофон и телевидение. Указанные технические средства раскрывают большие возможности для историков. Это уже доказано исключительно ценными документальными фильмами, но здесь еще многое не сделано.

Живые источники должны быть, разумеется, критически проверены. Это относится в той же мере и к материалам, которые мы получаем с помощью новой техники. Возможности же действительно глубокой, критической проверки живых источников и новейшей техники намного шире, нежели при проверке документов, архивных материалов, дневников и мемуаров более ранних периодов. Предпосылкой для данного положения, как и для любого исторического исследования, служит позиция самого ученого. В связи с этим необходимо сказать несколько слов о современном историческом исследовании, преподавании и публицистике в Западной Германии.

3. РЕАКЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Западногерманская историография, представленная Герцфельдом, Геймпелем, Штедельманом, Ротфельсом, Клуке, К. Бартелем и другими, расценивает 1917 год как границу, отделяющую историю современности от более раннего времени, считает этот год решающим поворотом во всемирной истории. Конрад Бартель обосновывает эту точку зрения следующим образом: «В этом году (то есть в 1917 г.— В. Б.) Америка вступила в первую мировую войну, превратив ее тем самым действительно в мировой конфликт. В том же году разразилась также и русская революция, пронизав национальные фронты схемой классовой борьбы, или, говоря словами Ротфельса, универсальной гражданской войны»⁶.

Аналогична и формулировка Клуке. Он также рассматривает русскую революцию и вступление США в войну, положившее конец американской изоляционистской политике, как существенные признаки поворота во всемирной истории. Дословно он говорит: «Тем самым на той и на другой стороне было положено начало соответствующим линиям развития, охватившим весь земной шар и вынудившим все народы занять принадлежащее им место в новом порядке. С этих пор стало невозможным где бы то ни было изолированное национальное существование. Настал глобальный период обобщений и тем самым наступила действительно но-

⁶ К. Barthel. Das Problem der Zeitgeschichte. «Die Sammlung». (Göttingen), 1954, Н. 10, S. 500.

вая мировая эпоха, начиная с которой мы и датируем историю нашей современности»⁷.

Итак, для отграничения истории современности от предшествовавшей исторической эпохи у западногерманских историков существуют два определяющих фактора. Это — начало русской революции и вступление США в первую мировую войну. Тщетно стали бы мы искать у них анализа подлинно эпохального значения русской революции. От решающих событий всемирной истории — захвата власти пролетариатом — они отделились лишь риторической фразой о пронизывании национальных фронтов схемой классово-борьбы, или, по выражению Ротфельса, «универсальной гражданской войны»⁸.

Подобное отождествление западногерманскими историками абсолютно различных исторических факторов не случайно. Полнейшее непонимание сути буржуазной исторической науки, точнее говоря, ее роли защитника капиталистическо-империалистического общественного порядка, еще более ясно выражено в основных положениях истории современности, выдвинутых К. Бартелем.

В своей статье «Проблемы истории современности» он касается трех вопросов: кризис национальной идеи; современное сверхгосударство; борьба индивидуума против ассимилирующей и нивелирующей силы современного общества⁹.

Выкристаллизовавшиеся у Бартеля основные положения для исследования истории современности и, по его выражению, для ее преподавания в школе, дают совершенно отчетливо понять, какие намерения преследует западногерманская историография.

В то время, когда большинство человечества — азиатские и африканские народы — освобождается от гнета империалистического колониального господства, а народные массы с беспримерным героизмом борются за независимые национальные государства, охарактеризовать идею национального государства, как изжившую себя, означает не что иное, как оказывать идеологическую помощь военным пактам, инспирированным империалистами США, финансируемым ими и сколоченным против воли народных масс.

Бартель оспаривает у народов Азии и Африки их историческое право строить свое государство по своим собственным представлениям, без какой-либо опеки со стороны империалистов. Под маской интеграции он отводит этим народам роль покровительствуемых великими империалистическими державами. Исходя из этого, он заявляет, что борьба алжирского народа за свое национальное освобождение, стоившая многих жертв, если рассматривать ее исторически, является пережитком. Для хода истории было бы лучше, утверждает Бартель, если бы алжирцы считали себя частью Франции и отказались от своей «безумной» идеи о национальном государстве. Автор проповедует как раз то, что нужно империалистам, стремящимся вложить в Алжир капиталы для эксплуатации полезных ископаемых и рабочей силы.

Это первое, выдвинутое Бартелем основное положение служит предпосылкой тому, чтобы выковать в капиталистических государствах идеологическое оружие для борьбы против свободолюбивых устремлений африканских и азиатских народов.

Второе положение Бартеля, о «современном сверхгосударстве», дает ему повод объяснить о «сходстве» диктатуры пролетариата в социалистических странах с тоталитарными диктатурами фашистского характера в Италии, Германии, Испании, Юго-Западной Европе, Центральной и Юж-

⁷ P. Klucke. Aufgaben und Methoden zeitgeschichtlicher Forschung. «Europa-Archiv» Frankfurt (Main), 1955, 7. Folge, S. 7430.

⁸ «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (München), 1953, H. 1, S. 7.

⁹ K. Barthel. Указ. соч., стр. 501.

ной Америке. Как особые вопросы этой «проблемы» Бартель называет: «Существо и формы проявления диктатуры, тоталитаризм, движения сопротивления, соотношение государства и хозяйства, причем особое внимание должно было бы быть обращено на то, как и в странах демократии распространяется опасная тенденция к государственному всемогуществу»¹⁰.

Итак, мы видим, что Бартель остается в кругу внешних форм явления; сознательно или несознательно это происходит, в данном случае несущественно. Его подлинно центральная проблема втиснута в скромные слова: «Соотношение государства и хозяйства». Иначе говоря: о всемогущей роли монополистических объединений, существующих в век империализма, ничего не говорится, больше того, подобное наименование даже не употребляется. Автор меньше всего обеспокоен действительным выяснением задачи, кто на кого оказывал влияние и как в эпоху империализма и особенно в период фашистской диктатуры государственный аппарат становился исключительно орудием самых мощных, сильнейших в финансовом отношении и агрессивнейших сил монополистической буржуазии. «Современное сверхгосударство» ни в коей мере не хотят представить как самую насильственную форму все более ясно проявляющейся идентичности монополистического капитализма и господствующего государственного аппарата, напротив, все отчетливее сказывается клеветническая тенденция приравнять господство рабочих и крестьян в социалистических странах к фашистским формам господства.

Перед буржуазным исследованием и преподаванием истории современности Бартель ставит задачу свести на нет принципиальное различие между социалистическим общественным строем и монополистическо-империалистическими формами господства. Вместе с тем он отрицает историческое право пришедших к власти рабочих и крестьян встать на новый прогрессивный путь развития, который выведет человечество из эпохи войн и кризисов, голода и нужды в век мира, благосостояния и счастья.

В качестве комментария к третьему положению достаточно будет краткого замечания. Оно определяется Бартелем как борьба индивидуума против ассимилирующей и нивелирующей силы современного общества. Целенаправленность этого определения совершенно понятна. Современное общество в понимании буржуазной историографии — это, разумеется, общество капиталистическое. А подобное общество, как писал Маркс и Энгельс уже в «Манифесте Коммунистической партии», унизило человека до положения индивидуума, живущего, работающего, думающего, чувствующего и, наконец, умирающего в соответствии с потребностями господствующего общественного порядка.

Капиталистический общественный строй породил массовое производство, а в современной войне привел к массовому уничтожению. Газовые печи Майданека и Освенцима явились, в конечном счете, порождением умов тех людей, которые, как безумцы, стремятся к власти, думают по-капиталистически, действуют по-империалистически, убивают по-фашистски. Мысль о том, чтобы нажатием кнопки развязать атомную войну, которая могла бы уничтожить большинство человечества, возникла, как известно, в умах, порожденных капиталистической средой.

Поэтому все новые попытки представить ассимилирующую и нивелирующую тенденцию в современном массовом обществе исключительно как продукт классовой борьбы, явные результаты которой можно якобы наблюдать в социалистических государствах, является не чем иным, как чистым лицемерием. Правда, здесь конкретно это не утверждается, но уже сама характеристика подобных форм проявления, как предмета исследования для истории современности, не вскрывая при том истинных корней этих явлений, свидетельствует о таком намерении. Буржуазная

¹⁰ Там же.

историческая наука не заинтересована в том, чтобы возложить на приговоренный к гибели капиталистический строй ответственность за противоречия между желаниями и чаяниями индивидуума и большинством человечества по отношению к произволу капиталистических правящих кругов, но она желает в потоке слов потопить основные вопросы. Нельзя отрицать, что западногерманская историческая наука старательно следует своему неотложному заказу, а именно: толковать события современности с точки зрения эксплуататоров и поджигателей войны. За последнее время мы наблюдаем исключительную активность буржуазных историков в обсуждении самых актуальных вопросов нашего времени, причем характерно, что такие западногерманские историки, как Геймпель, область исследования которых относится к средним векам или новой истории, вновь и вновь обращаются к вопросам современности.

Можно напомнить речь бывшего американского верховного комиссара Макклоя в апреле 1951 г., произнесенную им в Майнцком университете при открытии Института европейской истории. В своей речи американский генерал, в гражданской жизни один из крупных банкиров США, развил некоторые принципы исторического исследования. К ним он отнес активное занятие историков проблемами современности¹¹.

Макклой предложил также создать «План Шумана» для исторических исследований. Было бы не лишено интереса проанализировать развитие западногерманской исторической науки после этого активного наступления американского верховного комиссара на западногерманских историков, сдержанных в вопросах истории современности. Здесь можно ограничиться констатацией, что в последующие годы многие известные западногерманские историки удосужились выбросить за борт свои прежние взгляды о ненаучности исследования и преподавания истории современности и интенсивно занялись последней.

Западногерманские историки устанавливают обязанности исследования и преподавания новейшей истории, а один из их представителей, Конрад Бартель, привел для этого ряд интересных обоснований. Читаем у него: «Во-первых, у нас нет времени для ожидания, ибо мы находимся в состоянии самого настоящего политического бедствия. Мы потерпели политические и идеологические катастрофы всемирно-исторического значения, в которых погибли порядки, существование которых, по-видимому, было рассчитано на века; все прежние масштабы и идеалы потеряли свою действительность, ибо они толкали к заблуждению, привели к несчастью»¹².

С Бартелем нужно согласиться. Буржуазной исторической науке действительно нельзя терять времени, ибо время против нее, то есть против капиталистического строя. Правильно и то, что нынешнее и будущее поколения требуют показа истории по-новому. Переданная им отцами и преподаваемая школьными учебниками картина прошлого слишком сильно контрастирует с простейшими уроками последнего времени. Им втолковывали, что социализм бесплоден, что советские люди способны лишь подражать и лишены какой-либо способности творить и созидать. Таким взглядам был нанесен чувствительный ущерб уже в Сталинграде, на Висле и Одере.

Некоторые герои идеологического фронта в капиталистическом мире полагали, что, поскольку победоносные сражения Советской Армии против фашистских вооруженных сил отходят все дальше в прошлое, из памяти людей сотрутся воспоминания об этих героических подвигах и тем самым все больше будет утрачиваться их значение. И чем меньше говорят об этом, чем сильнее извращают и фальсифицируют данные вопросы в исторической литературе, тем менее правильное представление получит современная молодежь о достижениях советских людей во второй мировой

¹¹ «Die Neue Zeitung» (München), 24 апреля 1951 года.

¹² К. Barthele. Указ. соч., стр. 497.

войне. Но все подобные ухищрения потерпели крушение в связи с новым подвигом страны социализма — запуском спутника.

О глубоко психологическом шоке в капиталистических странах, вызванном этим гениальным достижением социалистической науки говорит, между прочим, статья «Спутник и воспитание», опубликованная в органе Германского объединения профсоюзов «Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung». Некий Эрих Хилла обсуждает вопросы, возникшие перед учителями и учащимися в связи с запуском спутника. Хилла отдает себе отчет, что непосредственной связи между спутником и воспитанием заметить сразу нельзя, и поэтому в начале статьи он пишет: «Весь мир согласен с тем, что спутник является выдающимся научно-техническим достижением. Но общепринято, и, видимо, правильно, что это достижение не одного человека, а относительно небольшой группы избранных из среды представителей естественной науки и техники»¹³.

Автор говорит это для того, чтобы сделать следующее признание: «Редко отдают себе отчет в том, что уровень достижения даже небольшой группы в государстве или в каком-либо человеческом обществе может быть достигнут или удержан на длительное время только в том случае, если эта небольшая группа является вершиной пирамиды, имеющей очень широкое основание, пирамиды, в которой, если смотреть на нее сверху вниз, степень способности слоев постепенно уменьшается. Мне кажется, что это не вызывает сомнений: чем шире основание пирамиды, чем выше поднимаются в пирамиде слои большой духовной работоспособности, тем увереннее покоится на них вершина; тем больше вероятности, что поток работоспособных, непрерывно поднимающийся от основания к вершине, обладает достаточной мощностью, чтобы заменить отмирающих».

Хилла приводит этот пример с пирамидой для того, чтобы ясно и внятно сказать: «Высокие идейные и технические достижения возможны и могут сохраняться лишь на основе всеобщего народного образования, находящегося на высоком уровне».

Исходя из этого, Хилла обвиняет западногерманскую школьную систему, которая в противоположность условиям, существующим «у создателей спутника», не идет дальше прекрасных речей и решений о необходимости 9-го года обучения, дальше дискуссий об улучшении подготовки учительских кадров, критики образования учителей, их оплаты, переполнения классов и многого другого. И не только это. Хилла критикует западногерманскую школьную систему, которая «в результате насыщения преподавания материалами обращает взоры учащихся в большей мере на прошлое, чем на будущее», в то время как в странах Востока наблюдается обратное¹⁴.

Подробно цитируемая здесь статья из западногерманской учительской газеты освещает глубокий идейный кризис капиталистического мира. Все идейные ценности стали сомнительными, люди не уверены в завтрашнем дне, ибо не знают хорошо вчерашнего и бесцельно живут в настоящем.

Поэтому мы полностью понимаем положение западногерманских учителей. Спутник разбил слишком много капиталистического идейного фарфора, и все отчаянные призывы найти средство, чтобы склеить черепки, бесполезны, ибо такого средства не существует. И если трещины и можно было бы склеить кое-как, то при первом же новом толчке груды осколков стала бы еще больше.

Об упадочных настроениях капиталистического мира свидетельствует и статья из американского журнала «Time» от 2 июня 1958 года. В ней говорится: «Сейчас, когда гигантский полутонный русский спутник совершает свой путь вокруг земли..., советская наука признана ведущей наукой мира... Интеллектуальный климат Советского Союза способствует

¹³ «Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung» (Frankfurt (Main), 1 декабря 1957 года.

¹⁴ Там же (разрядка Хилла).

тому, чтобы вырастить ученого из каждого русского юноши, считающего, что у него есть к тому способности. Россия готовит уже в два или три раза больше инженеров, чем Соединенные Штаты, и 59% из двух миллионов студентов получили ученую степень. 17-летний юноша, оканчивающий лучшую школу-десятилетку, опередил в области научных достижений своего американского коллегу по меньшей мере на два года». Дальнейшие комментарии излишни.

Перед западногерманской исторической наукой поставлена неразрешимая задача — показать народу, и в особенности молодежи, недавнее прошлое Германии как процесс развития, полностью соответствующий буржуазным представлениям. Эта задача отвечает непосредственным потребностям западногерманской империалистической буржуазии, вновь подстрекающей к войне. Ей нужны ученые, которые смогли бы идеологически подготовить людей к новой мировой войне. Вследствие этого западногерманская историография новейшего времени не намерена, да и не в состоянии вскрыть причины катастрофического поражения германского империализма во второй мировой войне, не говоря уже о том, чтобы оценить по достоинству значение 1945 года как поворотного пункта в истории Германии и революционные преобразования на востоке страны, происшедшие за последние годы.

Особую роль в западногерманской истории современности играет так называемое исследование Востока, которое по своим масштабам и агрессивной направленности значительно превосходит соответствующую литературу периода фашизма. На территории Западной Германии, если собрать воедино все учреждения подобного рода, насчитывается свыше 50 институтов, занимающихся «восточными проблемами». Все они преследуют одну цель — поставлять «требуемое «научное оружие» для пропаганды возврата «потерянной родины», то есть для войны против Советского Союза, народной Польши, ГДР и Чехословацкой Республики.

Насколько реакционна поставленная задача, настолько консервативны и взгляды, нашедшие отражение в западногерманских публикациях по вопросам истории современности, настолько же реакционны и методы, применяемые западногерманскими историками при исследовании недавнего прошлого.

Известно, что западногерманская историография много места предоставляет в своих изданиях очевидцам событий. Сведениям, запротоколированным устно или письменно, она придает значение документов. Это создает видимость, что в исследовании современности буржуазная, в равной мере как и марксистская историческая наука привлекает живые источники.

Но соответствие здесь лишь формальное. Различие между марксистским и буржуазным методом изучения истории проявляется в первую очередь в выборе лиц, привлекаемых к свидетельским показаниям. В № 2 за 1958 г. журнала «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» Иоахим Гёппнер в своей рецензии на «Документы об изгнании немцев из Средне-Восточной Европы» доказал, как подобного рода исследования, даже при выборе живых источников, исходят из того, чтобы подвести идеологический фундамент под шовинистическую и реваншистскую политику западногерманской буржуазии. Ту же самую методику применяет и Герхард Риттер в своей книге с самонадеянным заголовком «Карл Герделер и германское движение сопротивления». Здесь мы тоже можем констатировать, что и Риттер широко использует письменные и устные воспоминания современников, но напрасно будем искать среди них представителей рабочего класса, являющихся основными носителями идей антифашистского движения Сопротивления.

Для Риттера, как и для многих других западногерманских историков, характерно полное игнорирование роли народа и прав рабочего класса. Для них простой человек — это только безвольный инструмент для про-

ведения в жизнь политических устремлений эксплуататоров. Для сочинителей мемуаров от Гудериана до Рамке, от Шахта до Кордта, народ заслуживал и заслуживает внимания только тогда, когда он одет в солдатскую форму. И если западногерманские буржуазные историки привлекают живые источники для исследования новейшей истории, то только лишь с определенным намерением — получить благодаря этим сведениям подтверждение в правильности политики господствующего класса, вечности буржуазной идеологии и безусловной необходимости существования эксплуататорского общества.

Вальтер Гофер в упрощенном виде трактует слабость буржуазной исторической науки в области историко-политической мысли до 1914 г., когда характеризует ее как посланную роком, и утешается тем, что историки других европейских народов едва ли находились в лучшем положении¹⁵.

Буржуазная историческая наука оказалась не на высоте накануне 1914 года. Она исчерпала после первой мировой войны, как признает Гофер, «свои силы в опровержении тезиса о виновниках войны»¹⁶; она оказалась не на высоте во времена фашизма, и сегодня она не в состоянии показать немецкому народу подлинную историческую картину времени нацистского режима, его роковых последствий и опасности фашистской идеологии для настоящего и будущего. Все громкие слова, произносимые западногерманскими историками, чтобы завуалировать их подлинную роль, не меняют фактов. Поучительный пример показал опять же Герхард Риттер, который в изданной боннским федеральным министерством обороны книге под названием «Роковые проблемы современности» дает такое толкование даты 30 января 1933 г., которое преследует отвратительную цель. Риттер пишет: «Совершенно естественно, что такой великий народ очутился под властью авантюриста и фантаста, который в своем яростном стремлении к власти попирает ногами самые простейшие заповеди морали и права; потерявшего совесть игрока, который хладнокровно приносит в жертву своим мечтам о власти судьбу целой нации»¹⁷.

Риттер отрицает историческую действительность, стремление владельцев германских концернов поставить у власти этого авантюриста и фантаста Гитлера и извиняет политиков и историков, когда, говоря о создании гитлеровского правительства 30 января 1933 г., утверждает: «Никто до 1933 г. не считал возможным, чтобы когда-либо мог произойти такой крайний случай; то, что он действительно произошел, лишь очень немногие осознали своевременно. Он свершился не только совершенно неожиданно, но, судя по нормальному течению обстоятельств, его нельзя было ожидать»¹⁸.

Это — явно сознательное скрывание исторических документов и фактов. Стоит только напомнить об известном письме владельцев германских концернов Гинденбургу, в котором они требовали от имперского президента передать руководство правительством в руки самой крупной группы национального движения, то есть Гитлеру¹⁹.

Далее следует напомнить слова вождя германского рабочего класса Эрнста Тельмана, метко сказавшего летом 1932 г.: «Гитлер — это война!» Ряд важных документов коммунистического и рабочего движения, главным образом КПГ, и до 30 января 1933 г. и после прихода фашистов к власти, давал ясную оценку этого события, остающегося для Риттера еще и на сегодняшний день противоречащим нормальному течению обстоятельств. Буржуазная историческая наука с присущей ей надменностью по

¹⁵ W. Hofer. Geschichte zwischen Philosophie und Politik. Basel und Stuttgart. 1956, S. 135.

¹⁶ Там же, стр. 136.

¹⁷ H. Ritter. Schicksalsfragen der Gegenwart. Tübingen. 1957, S. 349.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, H. 2, S. 366f.

отношению к рабочему классу отрицает значимость анализов и прогнозов, данных в решениях партийных съездов и конференций. Согласно словам Христиана Моргенштерна, «не может быть того, чего быть не должно», решения именно коммунистического рабочего движения остались для них несуществующими. В их концепциях нет места для изложения взглядов авангарда рабочего класса, и поэтому они их замалчивают.

Вальтер Гофер пишет о научном и политическом характере историка, который имеет возможность заниматься своим делом только там, где царит политическая свобода, и должен применить свои силы для того, чтобы добиться и удержать эту свободу²⁰. Но Гофер использует науку не для свободы народа, а для тех, кто дважды на протяжении этого столетия предоставлял народу свободу проливать кровь на полях сражений.

Нет сомнений, что часть западногерманских историков, особенно учителей, подхваченных волной народного возмущения против боннской политики войны, вольется в ряды борцов за сохранение мира. Историки ГДР, и в первую очередь историки-марксисты, могут оказать большую помощь всем честно борющимся историкам и учителям истории тем, что со своей стороны по-научному, исходя из чувства глубокого национального сознания, будут освещать жизненно важные вопросы для нашего народа и всего человечества. Исследователь истории и учитель выполняют свою задачу тем полнее, если применяют уроки прошлого к борьбе, ведущейся в настоящее время, и путем познания истории вселят в народные массы веру в свои силы. Насыщать преподавание истории современностью необходимо тем более настоятельно потому, что империалистическая пропаганда преподносит народу карикатуру на историю, не имеющую ничего общего с действительностью. Это делается для того, чтобы помочь губителям нации, стремящимся к мировому господству, к получению прибылей и сохранению своего существования как класса эксплуататоров, отвлечь людей от радостной перспективы социализма, принести их в жертву невообразимому хаосу атомной войны.

Прогрессивная историческая наука, служащая народу и только ему, выявляет свое отношение к борьбе народов за сохранение мира, и с решительностью и силой научного убеждения обращается против всех, кто хочет поставить на карту жизнь и существование нации. Историк выполнит свою научную задачу и национальный долг только в том случае, если будет непосредственно активно участвовать в жизни и в борьбе своего народа.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Основы исследования и преподавания истории современности принципиально те же, что и более ранних периодов истории. Особенность состоит в использовании живых источников, которые отнюдь не меняют характера и принципов методики исторического изучения. Если история современности — наука, то с ней должно, применяя выражение Энгельса, обращаться как с наукой, то есть изучать ее. Исследование истории современности требует еще большей координации сил всех работающих в этой области, и совершенно недопустимо заниматься таким обширным предметом, как история современности, применяя устаревшие методы.

В ряде университетов, особенно в Берлине, Галле и Лейпциге, в некоторых институтах — в Германском институте истории современности, Германском институте экономики, Институте общественных наук при ЦК СЕПГ, Академии государства и права имени Вальтера Ульбрихта в Бабельсберге и в других учреждениях — ведется исследовательская работа по вопросам истории современности, имеются публикации и проводятся учебные занятия. Но до сих пор еще, к сожалению, отсутствует координированная деятельность. Все попытки осуществить это мероприя-

²⁰ W. Hofer. Указ. соч., стр. 150 и сл.

тне замерли в самом начале. Нужно надеяться, что рабочая группа, занимающаяся вопросами истории современности, созданная при Институте истории (сектор 1918—1945 гг.) Берлинской академии наук по решению Секретариата ЦК СЕПГ от августа 1957 г., сделает первые серьезные шаги по координации исследования и преподавания истории современности. Эта группа поставила перед собой задачу составить исчерпывающее представление о кадрах, работающих в области истории современности, вести учет научных заданий, осуществлять обмен опытом по организации учебных занятий, проводить собеседования по насущным проблемам истории современности. Одной из неотложных задач ближайшего времени явился бы созыв конференции для глубокого изучения всей проблематики истории современности, ее задач, методов исследования и преподавания.

Рабочая группа истории современности должна помочь использовать возможности, имеющиеся в настоящее время для исследовательской работы. В Германском институте истории современности в Берлине собрано большое количество материалов и документов по этому периоду. Институт регулярно обрабатывает 200 ежедневных и еженедельных газет и около 600 журналов, выходящих как в стране, так и за ее пределами. Институт имеет самую крупную в ГДР библиотеку по вопросам истории современности. Издаваемая институтом периодика помогает учителям истории и научным работникам. Однако эта помощь могла бы быть более действенной, если бы существовала постоянная связь между институтом и абонентами периодики.

Издаваемый институтом два раза в месяц сборник «Dokumentation der Zeit» выходит с ежеквартальным приложением, в котором обсуждаются принципиальные вопросы истории современности и публикуются отчеты об исследовательских работах и библиографии по данному предмету. Нужно надеяться, что это научное приложение станет форумом для всех занимающихся историей современности и поможет осуществить координацию в области истории современности.

Архивные материалы времени, предшествующего созданию ГДР, находятся уже частично в Германском центральном архиве в Потсдаме, или в главных архивах земель, или же в распоряжении отдельных центральных правительственных учреждений. Совместно с Государственным архивным управлением нужно было бы составлять постоянно пополняющийся обзор важнейших архивных материалов с тем, чтобы сделать их доступными для исследования.

Совместно с работающими в области истории современности историками и публицистами должна быть разрешена задача создания печатного органа по истории современности. Научное приложение к сборнику «Dokumentation der Zeit», безусловно, окажет существенную помощь в этом отношении и явится своего рода переходным этапом.

Также и журнал «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» должен будет уделять больше места вопросам истории современности и обсуждать на своих страницах исторические проблемы, непосредственно связанные с этим периодом.

Перед историей современности лежит еще огромная, нетронутая целина. Неотложность задачи не вызывает сомнений. Мы живем в такое время, когда происходит захватывающий дух экономический, политический и идеологический процесс преобразования. Изучение этого процесса, изложение его в печатных произведениях и выступлениях относится к самым благодарным задачам марксистской исторической науки. Исследование и преподавание истории современности должно стать действенным оружием в деле привлечения всего народа к строительству социализма в Германской Демократической Республике и к борьбе за единую и социалистическую Германию.